

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

Указанный период в истории Восточного Забайкалья ознаменовался сложными этногенетическими и аккультуративными процессами, многие из которых были следствием социально-экономического, политического и культурного развития двух соседних регионов: центрально-азиатского и дальневосточного. О влиянии этих регионов на Забайкалье неоднократно писал в своих работах А.П. Окладников, который отмечал, что «Забайкалье на протяжении тысячелетий было... местом, где причудливо скрещивались и находились в сложном взаимодействии в корне различные по происхождению племена и народы, в том числе не только сибирские и центральноазиатские, но и дальневосточные» (Окладников, 1975: 7). Особенно это касается территории Восточного Забайкалья, расположенного на стыке сразу нескольких историко-географических зон: Южной Якутии, Западного Забайкалья, Монголии, Маньчжурии и Приамурья. «Изучая древности верхнего Амура и Шилки, - продолжал далее исследователь, - можно... полнее, глубже понять общие контуры древнейшей культурной истории и этнических отношений в этой части Азии, служившей колыбелью многим народам, той ареной, где происходили важные исторические события, значение которых сказывалось далеко за ее пределами» (Окладников, 1960: 9). Каждая из отмеченных выше зон, отличается от других не только по географическому положению, но и по природно-климатическим характеристикам, по ландшафтным особенностям и т. д.

Для Восточного Забайкалья наиболее характерной чертой можно признать сочетание элементов сибирской тайги и монгольской степи, что дополняется, к тому же, чрезвычайной расчлененностью рельефа и перепадами высот местности. Данные обстоятельства играли не последнюю роль в формировании климата края и оказывали существенное влияние на культурно-хозяйственную деятельность древних обществ и на адаптивное поведение их в политических коллизиях того или иного времени. Можно отметить, при этом, что северные районы Забайкалья были пригодны для развития оленеводства и охоты на промыслового зверя и птицу; центральные таежные и лесостепные районы

- традиционно использовались для охоты, рыболовства, домашнего животноводства, а также для возделывания некоторых сельскохозяйственных культур; степные районы благоприятны для разведения верблюдов, овец, лошадей и крупного рогатого скота.

Многие племена, приходившие на территорию Восточного Забайкалья, сразу же попадали в конкретную природно-климатическую среду, и это нередко приводило к изменениям в их хозяйственном и культурно-бытовом укладе. Свидетельства этому можно найти и в письменных источниках, и в материалах археологических памятников. Так, например, упоминаемые в китайских летописях группы забайкальских и приамурских племен шивэй, среди которых были также предки монголов XI - XII вв., обитая в горно-таежных областях Приамурья и Большого Хингана, практически не занимались кочевым скотоводством. По образу жизни они характеризовались в основном как лесные охотники и рыболовы, хотя при этом имели стационарные поселения и держали придомно отдельных животных: коров, лошадей, свиней и собак (Кюнер, 1961: 61-62; Кызласов, 1975: 173). Впоследствии, выйдя на простор монгольской и забайкальской степи, почти все они превратились в кочевников-скотоводов, передвигавшихся по степи с многочисленными стадами овец, лошадей и верблюдов.

Перестройка хозяйства в связи с переменой мест обитания у них была налицо. Поэтому в исторической литературе потомков шивэй – племена «дада» («татар») традиционно делили на три большие группы: «диких дада» или «лесных монголов», среди которых выделяли даже оленеводов и которые, по мнению исследователей, проживали, в основном, в таежных областях региона; «черных дада», занимавших степные районы Монголии и Забайкалья; и «белых дада», проживавших вблизи от Великой китайской стены (ср.: Кызласов, 1975: 172). Некоторые исследователи при этом считают, что речь должна идти не только о самих монголах, но и о других этнических группах. В «диких дада» они видят охотнические тунгусские племена; к «черным» относили основную массу собственно монголов.

«белым дада» причисляли «степняков-тюрок» (Кызласов, 1975: 172).

Трудно предположить, правда, что «степняки-тюрки» кочевали в это время только в районе Великой китайской стены, поскольку основная масса их на рубеже I и II тыс. н.э. обитала в пределах Западной Монголии, Прибайкалья и Южной Сибири. И все же, такое деление уже свидетельствовало о проживании на территории края во второй половине I - нач. II тыс. н.э. неоднородных этнических групп, различавшихся по языку и формам ведения хозяйства.

Различия сохранились и в постмонгольское время (XV-XVII вв.), когда степные и лесостепные районы Даурии и Поононья, наряду с остатками монгольских племен, заняли монголизированные тунгусские роды уонов, улятов, гунуев, сартов и др., которые составили основу «степных» или «конных» эвенков Забайкалья. И. Г. Георги отмечал, что «степные тунгусы» держали лошадей, рогатый скот, овец, коз и даже верблюдов (Георги, 1777: 28). В археологических материалах переход к скотоводству обычно фиксируется по находкам костей домашних животных (коров, лошадей, овец и др.) и предметов конской упряжи (стремлян, седел, удила, и т. д.).

Данные выводы применимы и для истории Восточного Забайкалья конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., когда на территории края и соседних с ним регионов проживали племена хунну и сяньби. Археологические исследования показывают, что, расселяясь в основном в степных и лесостепных районах Восточного Забайкалья, хунну и сяньби вели преимущественно скотоводческое хозяйство. Кости домашних животных (овец, коров, лошадей и верблюдов) постоянно встречаются в погребениях указанного времени. Более того, по верхним слоям многих поселений можно фиксировать и места традиционной дислокации их (зимники?). От них сохранились остатки очажных каменных выкладок, зольники, кости различных животных и характерные предметы вещевого комплекса этих народов, включая керамику. На некоторых проблемах этно-культурной истории Восточного Забайкалья конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. хотелось бы остановиться подробнее.

Прежде всего, отметим, что археологические памятники указанного времени представлены на территории края большим количеством погребений, могильников, укрепленных городищ и поселений, жертвенно-поминальных мест и наскальных рисунков, выявленных в комплексе разновременных изображений. Одна из проблем заключается в том, что материалы многих памятников до конца не отработаны, а это затрудняет экстраполяцию их на племена и народы, известные даже по скурым свидетельствам исторических хроник или других письменных источников. Но некоторые выводы в этом отношении сделать можно.

В общей массе указанных памятников можно выделить, в частности, погребения, которые относятся к хунно-сяньбийскому времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Сегодня, таких погребений исследовано около 150. Они отличаются от памятников предшествующего

периода особенностями погребального обряда и инвентаря, хотя вариативная граница между ними достаточно условна. В их составе нами выделено три основные группы (рис. 1). Одна из них связана с комплексом памятников хуннского типа, а две другие – с сяньбийскими. Хуннская группа по численности погребений уступает сяньбийским примерно в семь раз, но по охвату территории оказывается больше. Хуннские погребения были исследованы: в бассейне р. Онон – на окраине станции Оловянная (Соцал - 1, №7; Соцал - 2, №4; разъезд №151), у сс. Кункур, Агинское (падь Зун-Кусочи), Чиндант (местечко «Пески») и Тарбальджей (на горе Хара-Туй-Ула); на р. Ингода – у станции Дарасун (Булак, №5; Ботулинка, №9); на р. Куэнга – у с. Шивия (падь Сырая Сосновая, №32); в бассейне р. Шилка – в местечке «Ущелье», близ г. Шилки (могильник Кия-13; «Ключ», №4).

Нельзя не отметить, что в данную группу входят погребения, которые имеют различные варианты надмогильных и внутримогильных сооружений. Они дополняют уже известные отличия в памятниках хунну Западного Забайкалья и Монголии и свидетельствуют об участии в генезисе хуннской культуры завоеванных народов (ср.: Асеев, 1975: 186; Цыбиктаров, 1999: 151). Особенно интенсивно этот процесс происходил на окраинах хуннского мира, к которым относилось и Восточное Забайкалье. Поэтому здесь, помимо хуннских и сяньбийских памятников, можно выделить и другие погребения, не входящие в эти группы. Мы имеем в виду погребения со скорченными костями, которые, возможно, явились в дальнейшем основой для формирования дарасунской культуры VI – IX вв. В одном таком погребении, исследованном у с. Чиндант (на р. Онон) и принадлежавшем женщине, были найдены: железный нож с плоской рукоятью и кольцевым навершием на конце; железная пуговица-бляшка полусферической формы, с петелькой на обратной стороне и костяной трубчатый игольник с поршнем-колпачком и колечком на конце (Асеев и др., 1984: 30-31). В другом погребении, раскопанном вблизи с. Макковеево на р. Ингода (могильник Медвежья сопка) были найдены две небольшие золотые серьги-спиральки, а в изголовье умершего – рога лося. Аналогичные погребения имеются также в Западном Забайкалье, в районе Еравнинских озер, и датируются этим же временем (Ковычев, 1984: 31). В исторической литературе данные погребения не анализировались, но можно предполагать, что они принадлежали племенам смешанного тюрко-тунгусского этноса, проживавшим в хуннскую эпоху в лесостепной зоне Забайкалья.

Что касается погребений хуннского комплекса, то они представлены на поверхности овальными или кольцевидными каменными выкладками, размерами от 2 до 8,6 м. Чаще всего выкладки были однослойными, сильно разряженными. И только у некоторых погребений они были многослойными, причем могильные ямы также были забиты камнями (Ботулинка, №9; «Ключ», №4). Указанные погребения отличались от других своей северо-западной ориентировкой и наличием в погребальном инвентаре

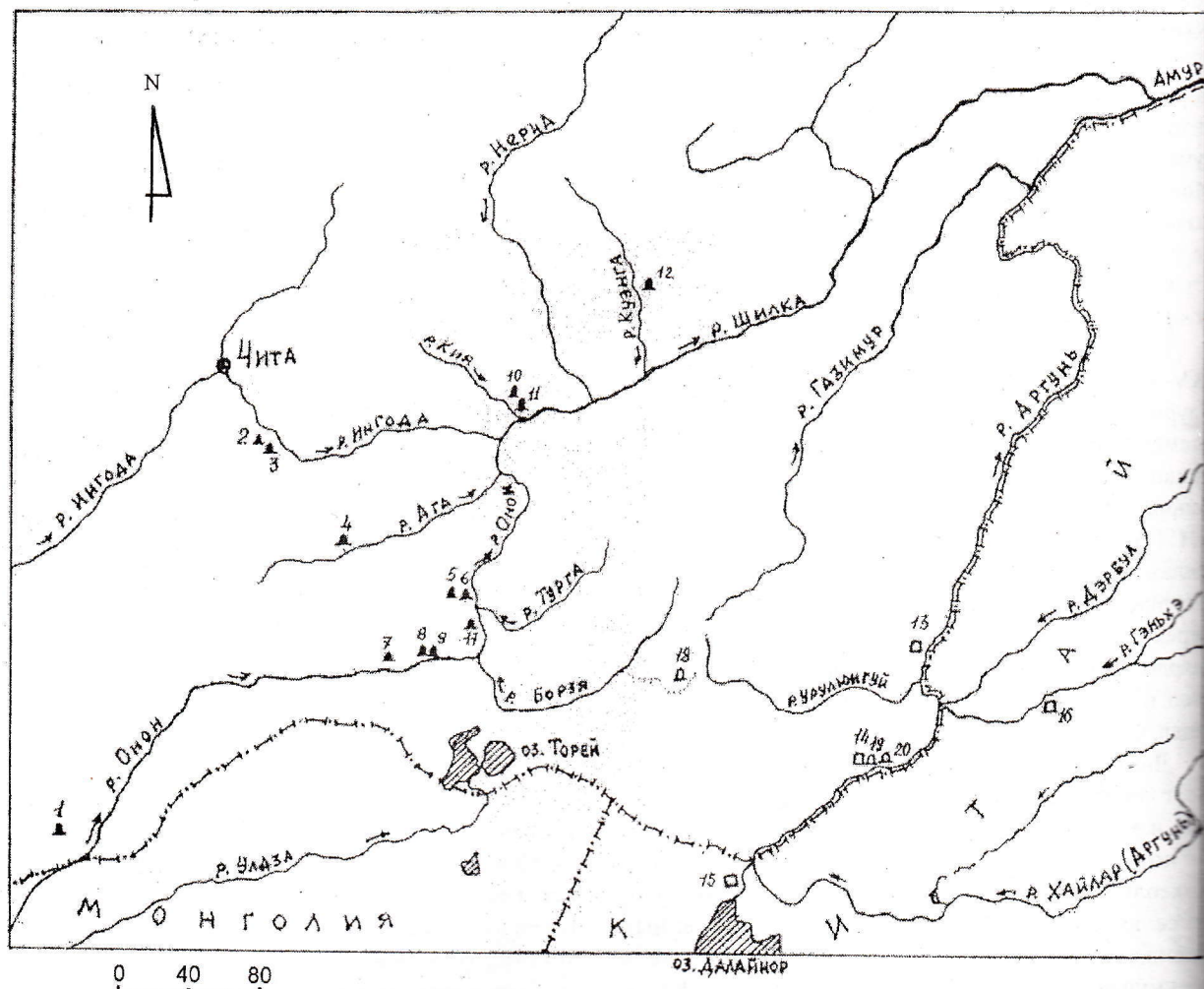

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников хунно-сяньбийского времени: 1-12 – погребения Хунну; 13-16 – погребения Тоба; 17-20 – погребения других сяньби: 1 – Хара-Туй-Ула; 2 – Ботулинка, № 9; 3 – Булак, № 5; 4 – Зун-Кусочи (Агинское); 5 – Соцал I; 6 – Соцал II, № 4; 7 – Кункур; 8-9 – Чиндант; 10 – «Ключ», № 4; 11 – Кия-13; 12 – Сырая Сосновая, № 32; 13 – Заргол I; 14 – Дурой II; 15 – Чжалайнор; 16 – Лабудалин; 17 – разъезд № 151; 18 – Копчил I; 19 – Дурой I; 20 – Большая Канга I

предметов, характерных для памятников бурхотуйской культуры IV-IX вв. Оба они были раскопаны в составе бурхотуйских могильников, а это, возможно, подтверждает участие отдельных групп хунну в генезисе средневековых племен Восточного Забайкалья. В хуннском комплексе известно также одно грунтовое погребение (Сырая Сосновая, №32) (Орлов, 1968: 184). Кроме того, по предположению И. В. Асеева, у погребения №3 из района с. Чиндант (местечко «Пески») выкладка имела форму каменного ящика, похожего на ящики плиточных могил (Асеев и др., 1984: 29-31). Имеющиеся в нашем распоряжении фотографии показывают, однако, что речь может идти только о каменном ящике, сооруженном непосредственно вокруг костяка, тогда как верхняя выкладка у него не сохранилась: она была разрушена оврагом, на дне которого данное погребение оказалось.

Глубина могильных ям различна, но, как правило, колеблется в пределах от 1,5 до 5,7 м. Ямы частично забутованы камнями или перекрыты плитами, уложенными горизонтально. В заполнении ям встречаются кострища с остатками пережженных

костей жертвенных животных и отдельные предметы погребального культа. Умершие лежат в деревянных гробах, в рамках из толстых плах, иногда обложенных боков плитками камня, или в каменных ящиках («цистах»), на спине, в вытянутом положении, головой на северный сектор. У погребения № 32 из пади Сырая Сосновая, как мы уже отметили, верхней каменной выкладки не было, но внутри могильной ямы, над умершим, было сооружено некое подобие каменного склепа. Сначала костяк перекрывали горизонтально уложенные плиты гнейса, а над ними, сверху, по всей площади могильной ямы была сооружена плотная выкладка из вертикально поставленных плит, почти одинаковых размеров: 20×10×50 см. Плиты стояли впритык друг к другу, без разрывов. Небольшое овальное отверстие наблюдалось только в центре выкладки, а рядом с ним располагалось кострище, заходившее краем на отверстие (Орлов, 1968: 184). Отверстие и кострище имели отношение к хорошо известному в древности обряду очищения огнем души умершего. Этот обряд широко практиковался местными племенами в эпоху бронзы и ранней

железа. Население культуры плиточных могил, например, размещало среди камней перекрытия могильных ям специальные плитки с просверленными в центре отверстиями, через которые «душа» умерших могла подниматься на небо (Ковычев, 2004: 31, 36). По соседству обычно также располагались кострища, которым придавались «очистительные» функции. Сохранение этого обряда в хуннскую эпоху может свидетельствовать не только об идентичности религиозных представлений у хунну и завоеванных ими народов, но и о включении некоторых групп их в состав завоевателей.

Подтверждением этому может служить также внутреннее устройство могил, которые включены нами в хуннскую группу. Очень часто по внутренней конструкции погребения этой группы напоминают и более ранние по времени погребения культуры плиточных могил, и погребения выделенной в Восточном Забайкалье дворцовой культуры. К сожалению, типология плиточных могил не разработана, а хронологические рамки культуры так до конца и не определены. Исследователи датируют эту культуру в диапазоне от XV в. до н.э. - по II в. н.э. или усредняют датировку с XIII – по VI-V вв. до н.э. (Цыбиктаров, 1999: 104, 124). Хронология дворцовой культуры также растянута во времени: XVI – III вв. до н.э. (Кириллов, 1994: 11). Фактически речь идет о полутора тысячелетнем периоде в истории Восточного Забайкалья и о совместном существовании на одной и той же территории в одно и то же время двух вполне самостоятельных культур - что представляется маловероятным. Эпоха бронзы и раннего железа, к которой принадлежат данные памятники, была связана с интенсивным развитием скотоводческого хозяйства у местных племен и формированием на этой основе элементов неравенства. В результате этого происходил процесс консолидации родо-племенных групп в крупные этно-политические объединения – союзы племен, являвшиеся первыми формами государственности у кочевников. Одно из таких объединений возникло, по-видимому, у «плиточников», которые распространяли свою власть на территорию Восточной Монголии, Забайкалья и Прибайкалья (Окладников, 1970: 22). Не исключено, что население дворцовой культуры, также входило в союз «плиточников», как и племена, оставившие в Западном Забайкалье и Монголии так называемые «фигурные» могилы и курганы-херексуры (ср.: Цыбиктаров, 1999: 117). Возможно, этим объясняются многочисленные факты встречаемости дворцовых погребений в составе плиточных могильников.

Впрочем, вопросы хронологии и классификации дворцовых памятников нуждаются в специальном рассмотрении. К сожалению, предпринятую О.И. Кирилловым попытку разделить эту культуру по этапам нельзя признать удачной. Исследователь включил в состав дворцовой культуры погребения, которые зачастую существенно отличаются друг от друга как по устройству надмогильных и внутримогильных сооружений, так и по особенностям погребального

обряда. Различия просматриваются во внешней форме выкладок, во внутренней конструкции могильных ям, в форме труположения умерших, их ориентации, в количественном составе и месторасположении черепов жертвенных животных и т.д. Различаются они также по составу погребального инвентаря (Кириллов, 1994: 10-15). К тому же, О.И. Кириллов не учитывает того факта, что в одном из погребений Александровского могильника, который он включает в «александровский этап» и датирует IX - VII вв. до н.э., были найдены разрушенные фрагменты какого-то железного изделия. Эта находка уже предполагает иную дату и для могильника, и для этапа в целом. Искусственность объединения многих памятников в составе дворцовой культуры очевидна - слишком непохожи, и слишком отличаются друг от друга, чтобы их можно было объединять в рамках одной культуры. Часть курганов поэтому рано или поздно, придется исключать из дворцового комплекса и рассматривать в составе памятников других культур этого времени или в составе вариативных групп все тех же плиточных могил.

Типология последних, как мы отметили выше, тоже не разработана, хотя памятники этой культуры отличаются чрезвычайным разнообразием погребальных конструкций и погребальной обрядности – начиная от разных типов надмогильных выкладок и разнонаправленной ориентировки умерших по сторонам света и заканчивая обрядом помещения в могилы черепов животных. Особенно это касается погребений, датируемых I тыс. до н.э. Возможно, не случайно предметы вещевого комплекса и «плиточников», и «дворцовцев» (керамика, ложечковидные подвески, наконечники стрел, бусы, накладки ремней и т.д.) нередко встречаются в верхних слоях поселений вместе с предметами хуннской культуры.

Помимо плиточных могил и дворцовых курганов, в Восточном Забайкалье имеются и *другие*, не классифицированные пока еще древности второй половины I тыс. до н.э., которые тоже нуждаются в анализе. Синтез хуннских и до-хуннских элементов погребального обряда и инвентаря в них просматривается столь же отчетливо, как и в рассмотренных выше. Не исключено, что многие из них также окажутся адаптивными вариантами памятников культуры плиточных могил, или же памятниками хунну и перемещенных ими на территорию Забайкалья этносов. Хуннское завоевание, таким образом, привело к существенным переменам в этническом составе местного населения; оно повлияло на характер традиционных культур края и способствовало постепенной интеграции их в культуру завоевателей. Данная проблема, впрочем, нуждается в специальном рассмотрении, с детальным анализом памятников до-хуннского и хуннского времени, что не входит в задачу настоящего исследования.

Определяющими признаками в разграничении хуннских и до-хуннских погребений являются, в первую очередь, предметы «типично» хуннского вещевого комплекса: костяные обкладки сложно-составных луков,

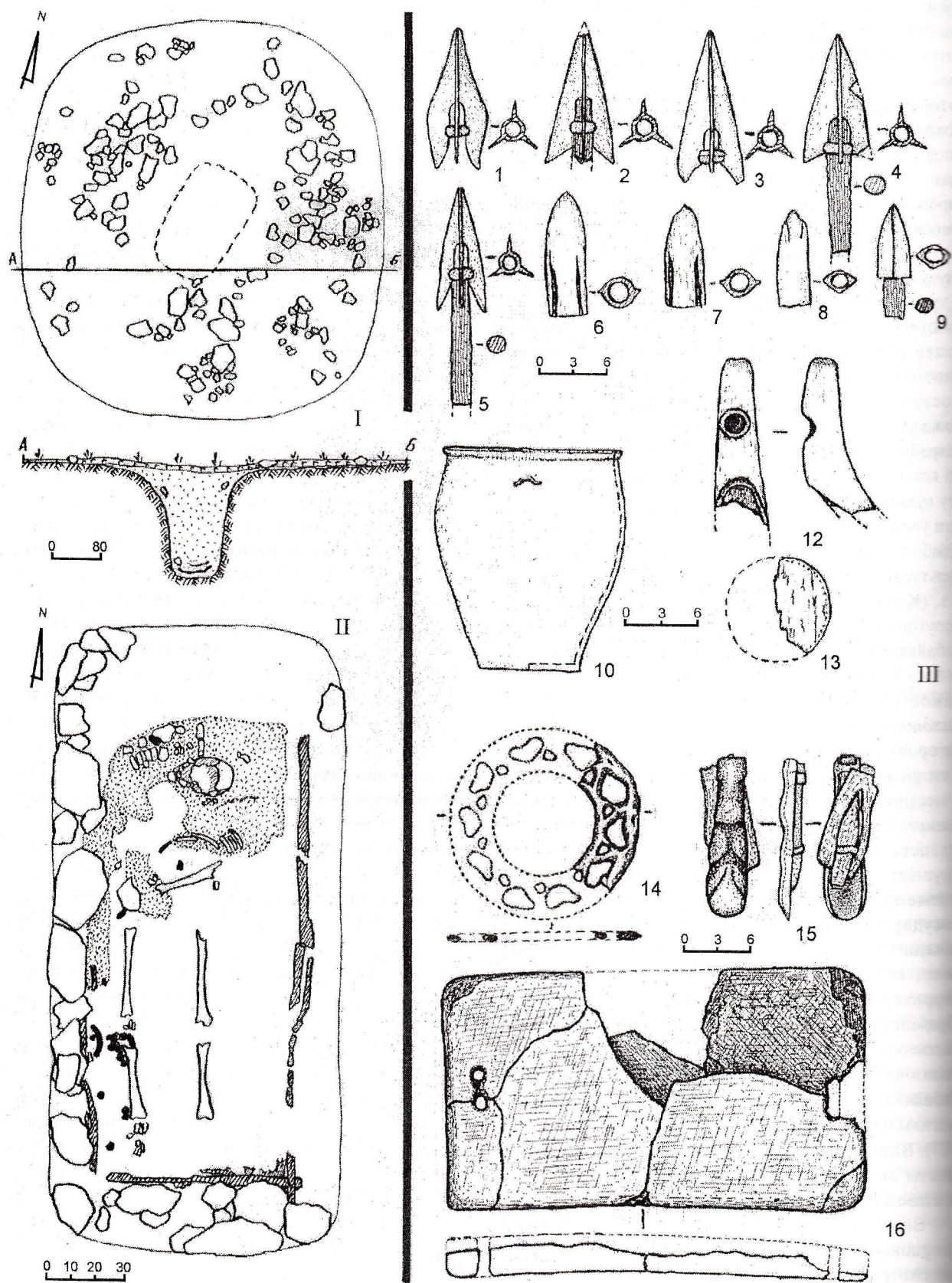

Рис. 2. Памятники хуннской группы: I-II – план и разрез погребений; III – инвентарь: 1-13 – раннее погребение Чиндант; 15 – Кия-13; 14, 16 – Хара-Туй-Ула (1-5, 14-15 – бронза; 6-9, 12 – кость; 10 – керамика; 13 – береста; 16 – сланец)

законечники стрел, своеобразные по форме и способам украшения глиняные сосуды, поясные бляхи, имитации раковин каури и т.д. В погребальном обряде можно выделить также деревянные гробы, гробовища из толстых плах, двойные погребальные камеры (из камня и дерева), вытянутую форму труположения умерших и ориентацию их на северный сектор. В таком сочетании указанные особенности погребального обряда и инвентаря не фиксируются в памятниках более ранней эпохи. Именно это обстоятельство дает нам основание выделять хуннские памятники в особый типологический ряд.

В настоящее время хуннские погребения известны, в основном, в центральной части Восточного Забайкалья: в пределах олон-агинской степи, шилкинской и ингодинской лесостепи. В Приаргунье они пока не выделены, но данная территория, очевидно, также контролировалась хунну. В материалах приаргунских памятников постоянно встречаются предметы хуннской культуры, среди которых имеется даже несколько экземпляров крупных глиняных сосудов вазообразной формы, с типично хуннским орнаментом на тулове и квадратным отпечатком на днище. Обнаружены здесь также предметы, относящиеся к хуннскому звериному стилю (Асеев и др., 1996: 74). По письменным источникам и по археологическим материалам можно судить о том, что в период хуннского «великодержавия» почти все районы центрально-азиатской степи вошли в состав империи хунну. С 209 по 201 г. до н.э. хуннский шаньюй Модэ, проводя активную внешнюю политику, сумел покорить все кочевые племена на севере и «сделался равным Срединному двору» (Худяков, 1996: 40). В зависимость от хунну попали в том числе многие племена сяньби и ухуань, расселившиеся в предгорьях Большого Хинганского хребта. И эта зависимость сохранялась до раздела хуннской державы в 48 г. н.э., после чего сяньби начали уже открыто выступать против конфедерации северных хунну (Бичурин, 1950: 150).

Хуннская экспансия в Восточное Забайкалье состоялась, по-видимому, также на рубеже III и II вв. до н.э. Об этом можно судить по погребению, исследованному нами в 2003 г. в песчаных осыпях левого берега р. Онон (местечко «Пески»), напротив с. Чиндант, которое можно датировать указанным временем. Однослойная каменная выкладка овальной формы, оставшаяся, видимо, от внутримогильного перекрытия, располагалась непосредственно над костяком. У костяка отсутствовали только ступни и голени ног, сташенные оврагом. Умерший был похоронен на спине, в вытянутом положении, головой на ССЗ. Он лежал на тонком войлоке, устилавшем дно могильной ямы. Выше головы погребенного, но также на войлоке, лежали черепа двух молодых баранов. Рядом с ними, с западной стороны, находился раздавленный глиняный сосуд черного цвета, баночной формы, лепленный от руки. Он имел одутловатое тулово, открытую широкую горловину со слегка отогнутым наружу венчиком и небольшое плоское дно. Под венчиком сосуда, на плечиках, с двух

противоположных сторон были подлеплены небольшие скобообразные валики - «ушки», имитирующие, по-видимому, ручки бронзовых котлов хунну. Под сосудом лежал берестяной кружок-подставка, а ниже второго черепа барана сохранились фрагменты тонких прутьев - возможно, остатки специальной подстилки под черепа животных. Выше тазовых костей погребенного были найдены пять бронзовых и четыре костяных наконечников стрел с остатками древков. Бронзовые наконечники - трехлопастные, втульчатые, с округлым вырезом в нижней части и с кольцеобразной втулкой. Профиль пера у них треугольный или вытянуто-ромбический; концы перьев опущены ниже втулки. Костяные наконечники - втульчатые, пулевидной формы, ромбические или округлые в сечении. Два округлых в сечении наконечника имели подрезы в нижней части, которые выступали по бокам в виде коротких лопастей. Третий наконечник имел короткие подрезы в верхней части, которые отделяли небольшую округлую головку от его тулова. На тазовых костях погребенного сохранились фрагменты железных пластин от наборного пояса и часть полый костяной втулки с отверстиями, служившей, возможно, в качестве застежки пояса поворотного типа (рис. 2, 1-13).

Остальные погребения хуннской группы датируются нами II в. до н.э. - серединой I в. н.э., когда хунну занимали господствующее положение в Центральной Азии. Их поселения и могильники появились в это время в разных районах северо-азиатской степи, в том числе в Восточном Забайкалье. Данный факт подтверждают материалы могильника Кия-13, раскопанного в местечке «Ущелье», на левом берегу р. Кия, левостороннего притока р. Шилка. Мы уже отмечали, что могильник принадлежал представителям родо-племенной знати одной из групп хунну, проживавших в пределах Восточного Забайкалья (Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е., 1996: 100-103). Крупные по размерам курганы - от 4 до 8,6 м в диаметре, имевшие кольцевидные каменные выкладки (рис. 2, I-II), были сконцентрированы на небольшой мысовидной площадке, зажатой со всех сторон склонами ущелья. Могильник был явно спрятан от посторонних глаз, хотя и располагался по соседству с более ранними по времени плиточными могилами. Последние, очевидно, были сооружены еще в «дохуннское» время и на площадку, занятую могильником, не выходили. По совокупности погребального обряда и инвентаря могильник датирован нами концом II - I вв. до н.э. Отметим, что на территории Восточного Забайкалья это единственный пока могильный комплекс хунну. Остальные погребения расположены одиночно и в разных местах указанного района (рис. 1, 1-12).

В хуннских погребениях были найдены: предметы вооружения, конской сбруи и украшений; обломки бронзовых зеркал с китайскими надписями; фрагменты тонкого войлока от подстилки и покрывал, которые были окрашены в темно-красный и черный цвета и разрисованы чередующимися окружностями и дугами; глиняная посуда и кусочки лаковых изделий

III

16

ение из

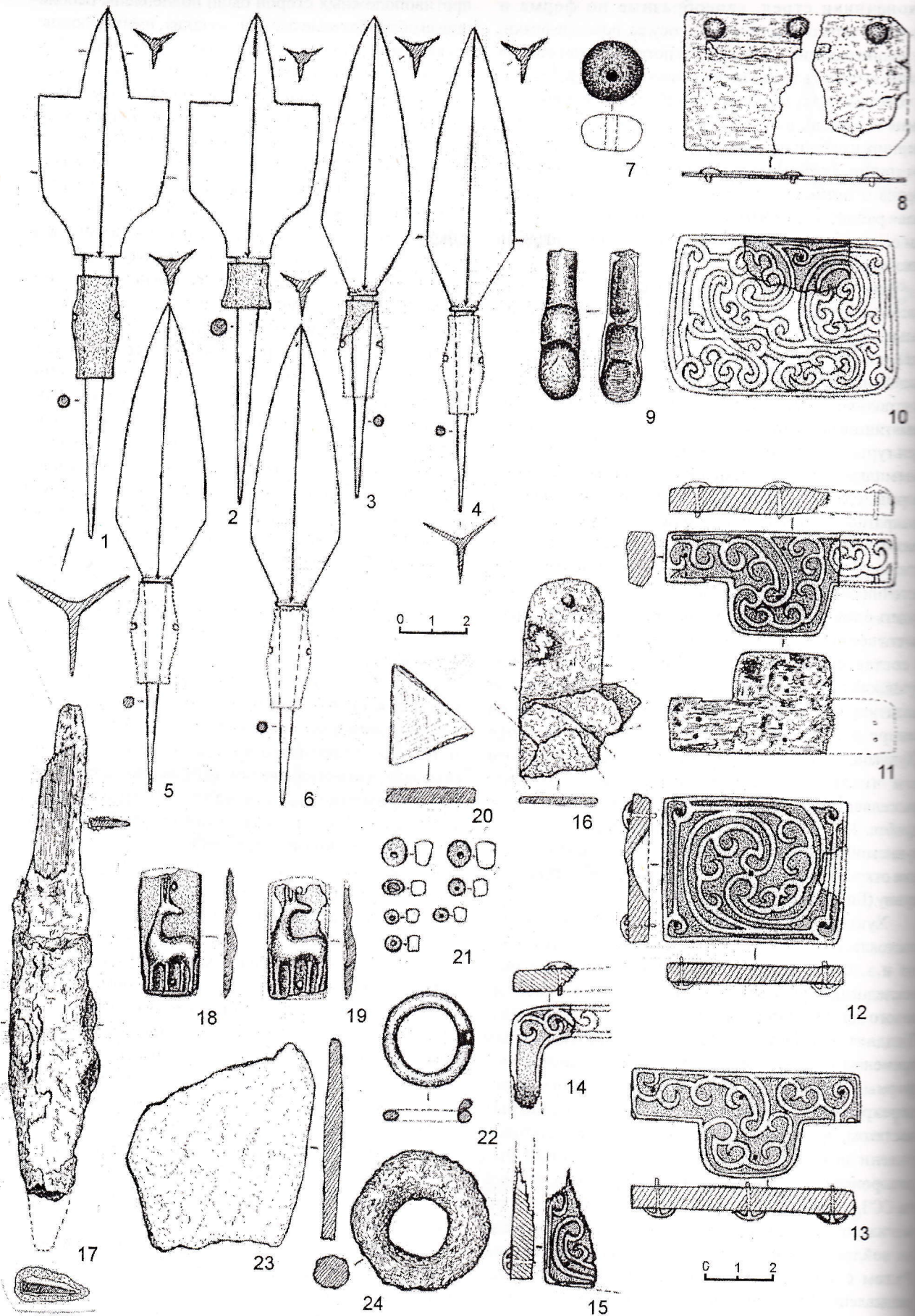

Рис. 3. Инвентарь из хуннских погребений могильника Кия-13: 1-6, 16-17, 24 – железо; 7 – сердолик; 9, 22 – бронза; 8, 10-15 – дерево; 20, 23 – камень; 21 – стекло; 18-19 – бронза с позолотой

8

10

11

12

13

ронза;

(чашечек?); а также составные части наборных поясов. Среди последних выделяются каменные, деревянные, бронзовые и железные пластины, орнаментированные резьбой, позолотой и изображениями животных (драконов, тигров, змей и т.д.) (рис. 2, 1-16; рис. 3, 1-24). Частой находкой в погребениях являются черепа и кости домашних животных: овец, коров и лошадей. Черепа обычно располагаются в головной части погребений: на крышке гроба или каменного перекрытия. Примером этому может служить погребение №4 могильника Соцал - I, исследованное вблизи станции Оловянная. Останки лошади в нем (череп, несколько шейных позвонков, крестец, ребра и фаланги ног) лежали сверху на досках гроба. В зубах лошади сохранились железные удила, изготовленные из толстой, слегка подкрученной проволоки. Судя по костям, в погребение была брошена только часть верхового коня, возможно, вместе со шкурой, причем под останки лошади, выше гроба, была подложена поперечная деревянная плашка, опиравшаяся на концах на столбики высотой 8-10 см (Ковычев, 2004: 52). В погребении у разъезда № 151 рядом с черепом молодого бычка лежали и его нижние конечности вместе с копытцами. Подобное расположение костей животных в погребениях было характерно для хунну и имело отношение, как пишет П.Б. Коновалов, к особому «ритуалу жертвоприношения» (Коновалов, 1976: 163-164).

О пребывании хунну в Восточном Забайкалье свидетельствуют также многочисленные предметы хуннской культуры, обнаруженные на стоянках Ингоды, Онона, Шилки, Нерчи и Аргуни. Мы уже отмечали, что среди них особо выделяются фрагменты характерных для хунну толстостенных глиняных сосудов черно-серого цвета. Поверхность их носит следы вертикального лощения, округлые венчики круто отогнуты наружу, днища плоские и часто имеют отпечаток квадратного шипа от поворотного круга. По плечикам сосуды украшены волнистым или угловатым орнаментом, иногда помещенным между двумя параллельными линиями. На донных стоянках Восточного Забайкалья встречаются также железные наконечники стрел типично «хуннских» форм, железные ножи, латные пластины, фрагменты бронзовых и даже золотых блях с зооморфными сюжетами (Кириллов, Яремчук, 2001: 51-55).

Отмечая широкий ареал распространения памятников хунну по степным и лесостепным районам Восточного Забайкалья и особенно нахождение здесь могильника представителей родо-племенной знати хунну, можно предположить, что во II - I вв. до н.э. на берегах Ингоды, Онона и Шилки проживали, преимущественно хуннские племена, включавшие в свой состав адаптированные группы местного населения. Последние, судя по всему, уже утратили наиболее характерные черты своей прежней культуры и восприняли культуру завоевателей в том ее виде, в каком она фиксируется в рассмотренных выше памятниках.

Что касается Приаргунья и соседних с ним районов Внутренней Монголии, то здесь, в предгорьях

Большого Хинганского хребта, проживали многочисленные группы монголоязычных племен сяньби, а к востоку от них - родственные им племена ухуань. Все они выделились из состава племенной группировки дун-ху, потерпевшей поражение от хунну в 209 г. до н.э. в юго-восточных районах Центральной Азии и вынужденной после этого искать спасения на севере. В дальнейшем, однако, почти все беглецы оказались под контролем хунну, очень многое заимствовали из хуннской культуры, но сохранили при этом и свою самобытность. В материалах памятников сяньби, исследованных по обе стороны р. Аргунь российскими и китайскими археологами, данные факты находят свое подтверждение.

Казалось бы, что речь должна идти о едином комплексе сяньбийских памятников и о единой культуре сяньби, распространенной в указанном районе. Однако на деле в составе этих памятников четко фиксируется несколько вполне самостоятельных групп, различающихся элементами погребального обряда и инвентаря. Различия настолько очевидны, что есть основания соотносить каждую такую группу с отдельным родо-племенным подразделением сяньби, тем более что самих сяньби можно рассматривать как «обширный этнос» (или «суперэтнос»), включавший в свой состав различные кланы (Воробьев, 1994: 245). Разбросанные по разным районам северо-западной Маньчжурии сяньби оказались соседями, как приамурских народов, так и забайкальских хунну, что не могло не отразиться на характере их культуры, - в том числе и на погребальном обряде. Именно поэтому, выделение локальных групп с четко выраженными комплексами отличительных признаков (включая погребальный обряд, инвентарь, территорию распространения, а отчасти и хронологию - что подпадает под определение «археологическая культура») в общей массе памятников сяньби, представляется для исследователей делом крайне важным. На основе изучения таких групп появляется возможность для более объективной оценки этнокультурной ситуации в данном регионе, уточнения хронологических рамок существования того или иного типа памятников и определения связей сяньби с соседними племенами и народами.

Для территории Приаргунья мы выделяем пока две такие группы: зоргольскую и дуройскую. Каждая из них характеризуется нами как отдельная археологическая культура, поскольку речь идет о памятниках, имеющих существенные различия в погребальном обряде, инвентаре и, очевидно, во времени. Отметим, что на современном этапе изучения сяньбийских древностей данная классификация вполне приемлема, хотя не исключена возможность последующей корректировки ее по мере накопления материалов.

Для погребений зоргольской культуры характерны небольшие каменные выкладки овальной формы и глубокие могильные ямы (до 2-3 м), ориентированные по северному сектору с отклонением в ту или другую сторону. Умершие лежат в деревянных гробах часто

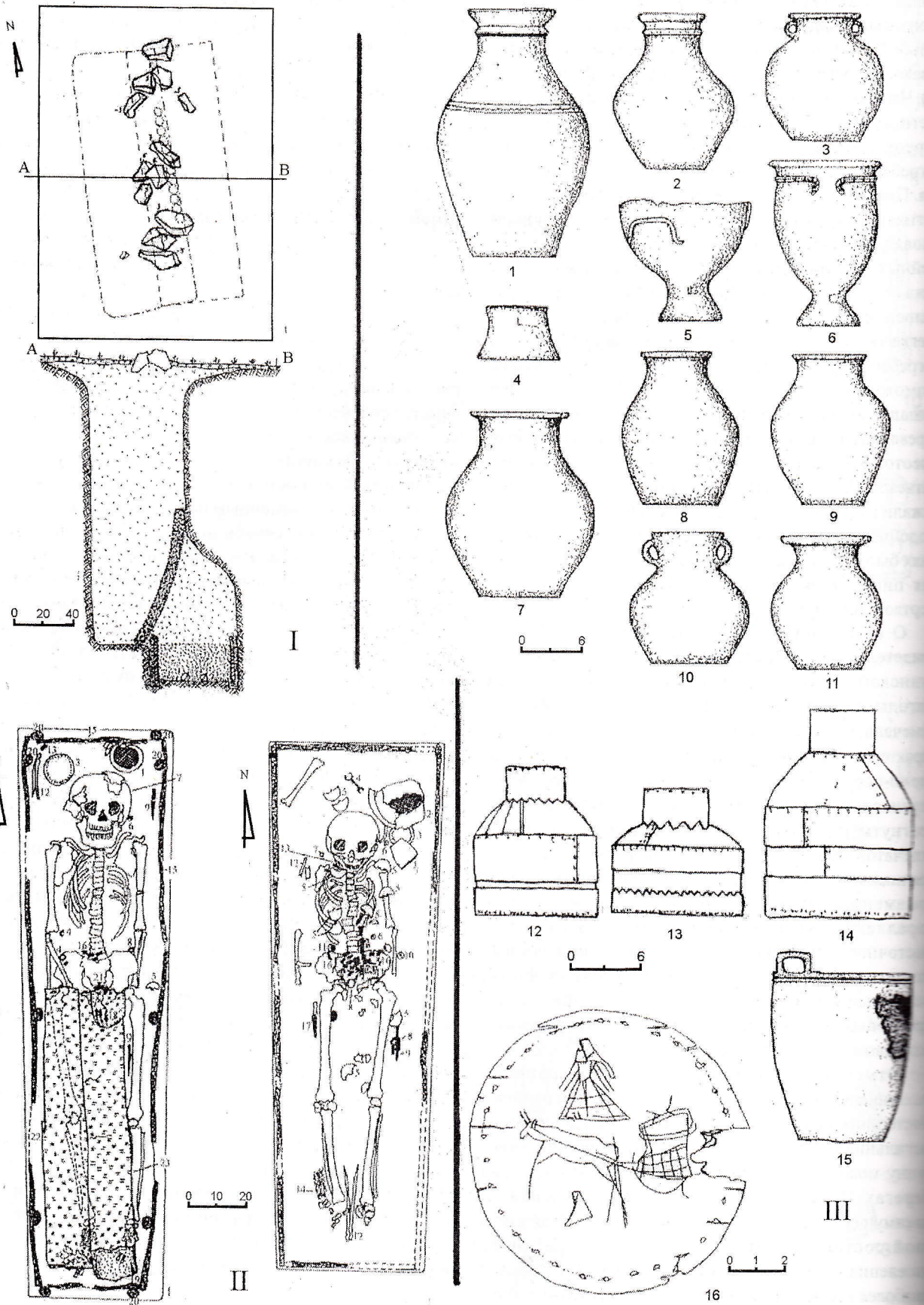

Рис. 4. Памятники Зоргольской культуры: I-II — планы и разрезы погребений; III — инвентарь: 1-11 — глиняные сосуды; 12-14 — берестяные туески; 15 — бронзовый котел; 16 — берестяное дно с рисунками

очень сложной конструкции или на берестяных подстилках. Погребальные сооружения иногда спрятаны в боковые подбои, перекрытые загородками из жердей и бересты. В инвентаре обязательными атрибутами являются глиняные сосуды разных форм, стоящие на берестяных кружках-подставках, берестяные туюски, украшенные многочисленными рисунками - граффити, предметы быта, вооружения, конской сбруи, украшения и копыта животных. Найдены фрагменты зеркала ханьского времени, бронзовый котел и остатки сложносоставного пояса с бронзовыми бляхами, украшенными фигурами драконов и змей. Впервые в погребениях зоргольской культуры удалось зафиксировать использование некоторых берестяных кружков в качестве подставок под днища глиняных сосудов. Возможно, это было связано с особенностями погребального обряда сяньби, когда горловина сосуда с помещенной вовнутрь жертвенной пищей открывалась для «свободного доступа» к ней покойного. В обыденной жизни берестяные кружки могли использоваться в качестве крышек - накладок. Именно поэтому они были многослойными, прошивались по краям нитками и были украшены с одной или двух сторон рисунками-граффити (рис. 4, 5).

На территории российского Приаргунья зоргольская культура представлена могильниками Зоргол-1 и Дурой-2, расположенными в окрестностях сс. Зоргол и Дурой, на левом берегу р. Аргунь, на расстоянии 70 км друг от друга (рис. 1, 13-14). Несмотря на значительный территориальный разрыв, погребальный обряд и инвентарь этих двух памятников одинаковы, что может свидетельствовать о принадлежности их одной родо-племенной группе (клану?). Район обитания этой группы (nutug) приходился, судя по всему, на левобережье Аргуни - на участок реки между сс. Кайластуй и Средняя Борзя. По правому берегу р. Аргунь и по ее правосторонним притокам расселялись, по-видимому, другие родо-племенные группы - родственные зоргольской, но имевшие отличия в погребальной обрядности и инвентаре. Свидетельством этому могут служить материалы могильника Лабудалин, исследованного китайскими археологами в 80 км к юго-западу от с. Зоргол - в долине правостороннего притока Аргуни - р. Гэньхэ, и могильника Чжалайнор, расположенного вблизи озера Далай-нор, но также в бассейне р. Аргунь (Хайлар) (Воробьев, 1994: 224-226; Юй Сухуа, 2002: 198).

Основные отличия заключаются в отсутствии в китайских памятниках некоторых типов погребального инвентаря (включая берестяные туюски, украшенные рисунками-граффити) и подбоев в стенках могильных ям, что характерно для погребений зоргольской культуры. По другим показателям, они близки между собой. Поэтому, можно полагать, что племена, оставившие данные памятники, входили в состав одного этнического подразделения, выделившегося из состава *сяньби. Таким подразделением, судя по всему, были племена тоба (кит.: «со-тхэу»), история которых напрямую связана с Приаргуньем. О раннем периоде*

этой истории известно немного. Китайские летописи сообщают, что после войны в 209 г. до н.э. часть племен дун-ху, потерпевших поражение от хунну, бежала из юго-восточных районов Центральной Азии далеко на север и длительное время обитала на Верхнем Амуре в предгорьях Большого Хинганского хребта. Здесь сформировалось два новых племенных объединения: сяньби и ухуань.

Тоба были западной частью сяньбийского этноса, но в китайских хрониках они начинают упоминаться только с 50-60 гг. III в., когда становятся соседями Поднебесной (Воробьев, 1994: 245). К этому времени в их составе насчитывалось уже до 39 аймаков, включавших в себя 99 больших родов (Бичурин, 1950: 167). М.В. Воробьев справедливо считает, что многие из этих «аймаков» и «родов» вошли в состав племенного объединения тоба уже после расселения их в пограничных районах Китая (Воробьев, 1994: 245). А вот ядро тобаского объединения сложилось еще до прихода тоба в указанные районы.

Источники сообщают, что при тобаском правителе Лине (конец II в. н.э.) тоба уже были разделены на десять кланов, переданных под управление его родственникам, но при единоначалии самого правителя (Бичурин, 1950: 168; Воробьев, 1994: 246). В это время они проживали в районе озера Далай-нор, с которым граничит российское Приаргунье. Именно здесь были исследованы могильники Чжуйхэ и Чжалайнор, которые китайские археологи датируют II - III в. н.э. (Воробьев, 1994: 224). Отсюда в начале III в. тоба двинулись на юг, занимая прежние земли хунну (там же: 246). Юй Сухуа относит могильники Чжалайнор и Лабудалин, который расположен в 170 км к северо-востоку от него, к тобасцам и считает их эталонными для сяньбийской культуры в целом (Юй Сухуа, 2002: 198). Мы также поддерживаем этот вывод, причисляя к тобаским древностям и погребения зоргольской культуры.

В окрестностях Далай-нора тобаские племена появились за шесть (по М. В. Воробьеву: за семь) поколений до правления Линя (Бичурин, 1950: 168; Воробьев, 1994: 246). Произошло это при старейшине (кагане) Туйине, который в середине (возможно, в начале) I в. н.э. привел сюда своих соплеменников с севера - из предгорий Большого Хинганского хребта. На севере Большого Хингана тобаские племена, до Туйиня, прожили еще четыре поколения - около 60-70 лет. Получается, что реальная история тоба, зафиксированная в источниках, начинается только с середины I в. до н.э. Насколько далеко она уходит за пределы этого века - неизвестно. Однако район первоначального обитания тоба устанавливается достаточно точно: Верхнее Приамурье, в районе Большого Хинганского хребта. Письменные источники при этом дополняются данными археологии.

Так, например, по сообщению Б. Р. Зориктуева, именно здесь, в северной части Большого Хингана, в местности *Ашань (верховья р. Аньхэ)* летом 1980 г. китайские археологи обнаружили внушительную по размерам каменную пещеру, служившую сяньби

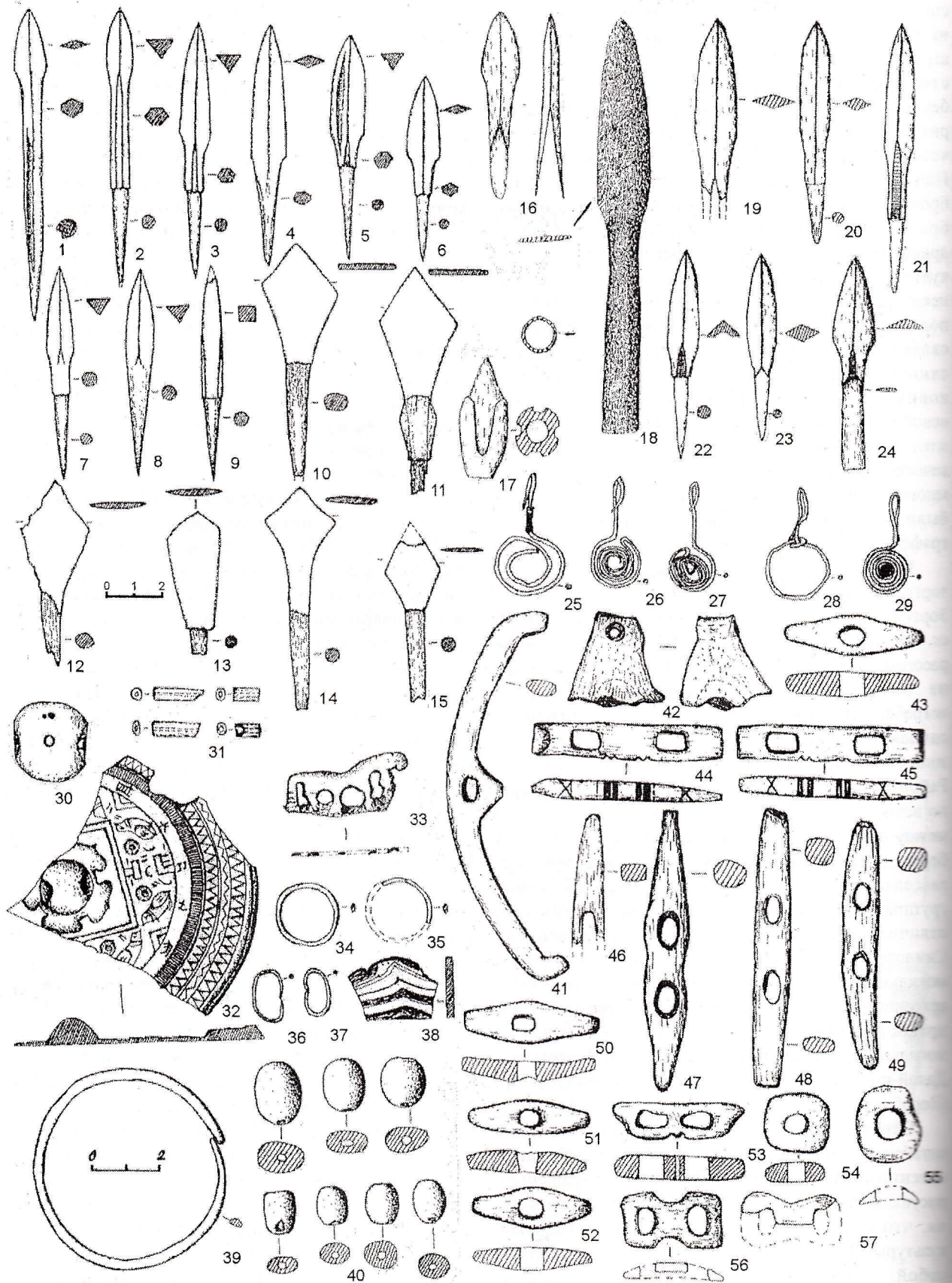

Рис. 5. Инвентарь Зоргольской культуры: 1-9, 16-17, 19-24, 41-57 – кость; 10-15, 18 – железо; 25-29, 32-33, 39 – бронза; 36-37 – золото; 30 – сердолик; 31 – мел; 38 – яшма; 40 – стекло

(тоба?) храмом для жертвоприношений их предкам (Зориктуев, 2005: 38). Возможно, речь идет о том самом храме (пещере?), о котором рассказали северовэйскому императору Ши-цзу прибывшие к его двору в 443 г. послы из племени улохоу, которые сами были потомками сяньби и продолжали жить в горах Северного Хингана все это время. Из рассказа послы явствовало, что на северо-западе их владений сохранились остатки городища, построенного когда-то покойными императорами (т.е. предками) династии Северная Вэй. Здесь же располагалось каменное здание, которое китайский историк Сыма Гуан назвал каменным храмом для жертвоприношений предкам. Размеры храма с юга на север – 90 шагов, с востока на запад – 40 шагов и в высоту – 70 чи. В храме, по сообщению послы, обитал необыкновенный дух, которому многие приносили жертвы, обращаясь за помощью. Выслушав рассказ, император Ши-цзу отправил туда чиновника Ли Чана, который совершил в храме жертвоприношения и вырезал текст молитвы на его стене (Материалы..., 1984: 43). По свидетельству С.П. Нестерова, на стенах пещерного храма, открытого китайскими археологами на р. Ганьхэ, также была обнаружена китайская надпись, которая оказалась фрагментом текста из «Вэй шу» и датировалась 443 г. (Нестеров, 1998: 11). Наличие тобаского храма в этой части Большого Хинганского хребта – еще одно свидетельство проживания здесь именно сяньбийских родов, но не ухуаньских, как об этом пишет С.П. Нестеров, причисляя пещерный храм к последним (там же: 11).

Отсюда, из предгорий Большого Хингана, и началось постепенное продвижение тобаских племен в южном и юго-западном направлениях. В начальный период это продвижение походило скорее всего на обычный способ перекочевки кочевых и полукочевых народов, когда небольшие группы тобаских родов, в поисках мест с «хорошей водой и травой» осваивали отдельные участки степи, слабо контролируемые хунну. Археологические исследования показывают, что Приаргунье уже с конца I в. до н.э. стало уходить из-под хуннского контроля. Поэтому именно сюда в первую очередь и устремился поток тобаских мигрантов. Существование Хуннской империи, по-видимому, ограничивало возможности дальнейшего продвижения тоба на юг и это объясняет причину столь длительной задержки их в Приаргунье (конец I в. до н.э. – II в. н.э.). Тоба постепенно занимали один район за другим и кроме Приаргунья, с середины I в. стали осваивать окрестности оз. Далайнор. Таким образом, получается, что сначала тобаские племена вышли в район Среднего Приаргунья, где расположены памятники зоргольской культуры, а спустя некоторое время – к окрестностям озера Далайнор. С падением хуннского государства и после окончания смутного времени, связанного с образованием державы Таньшихуая, они окончательно выдвинулись в пограничные районы Китая, освободив Приаргунье для новых групп северных сяньбийцев.

По свидетельству Юй Сухуа, китайский историк Су Бай еще в 1977 г. пытался набросать схему

переселения тобаских племен с севера на юг. На основе его доказательств выстраивалась следующая картина переселения тоба (по известным тогда памятникам): Ваньгун – Чжалайнор – Наньянцзяинцы – Эрланьхугоу – Даэрханьмаоминьань (Юй Сухуа, 2002: 198). Однако при этом Су Бай считал тобаское переселение с верховьев Амура более поздним по сравнению с мужунским. На самом деле все обстояло по-другому. И археологические памятники сяньби (тоба?), открытые в разных точках этого региона, только подтверждают наши выводы.

Более того, процесс переселения тоба из северных районов на юг получил отражение в художественной графике данных племен, которая представлена на берестяных туесках, кружках-подставках и на лентах бересты, перекрывавших подбой могильных ям в могильнике Зоргол-1. Везде повторяется один и тот же сюжет: группа быков, запряженных в постромки, тянет за собой цуг из возков, кибиток и юрт, поставленных на колеса и полозья (Кириллов и др., 2001: рис. 1-3). Цель авторов данных рисунков очевидна: зафиксировать на бересте реальные факты из жизни соплеменников и в опосредованном виде отразить стремление потомков дунху к родовым кочевьям, занятым хунну. Поскольку для живых эта задача была вполне решаемой, для мертвых оставалась возможность решать ее при помощи средств, изображенных на рисунках. Движение на юг, таким образом, осуществлялось всеми и сразу. Вот почему после отвоевания южных территорий ставки правителей сяньби (в том числе и тоба) были перенесены на новые места, а общеплеменные культы стали отправляться на р. Жаолэ (совр. р. Шара-Мурэн) (Материалы..., 1984: 70, 306-307). Старое святилище тоба в горах Большого Хингана было забыто, а городище возле него пришло в упадок.

Могильники Зоргол-1 и Дурой-2 по совокупности вещевого комплекса датируются нами концом I в. до н.э. – II в. н.э. Такая датировка согласуется с данными китайских хроник, которые размещают в это время тоба в окрестностях оз. Далайнор. К сожалению, этого не скажешь о двух радиоуглеродных датах, полученных по зоргольским погребениям в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН: СОАН-5261: 1850±25 лет (84-238 гг. н.э.) – погр. № 23 и СОАН-2562: 1520±35 лет (434-619) – погр. № 27. Если первая дата может действительно фиксировать финальное время существования могильника Зоргол-1 (II в. н.э.), то вторая дата – явно ошибочная. Она выходит за пределы датировки зоргольских памятников. Возможно, на результатах анализа сказалось то, что он проводился по фрагментам деревянных гробовищ спустя почти четыре года после раскопок могильника, и это не обеспечило чистоту отобранных проб.

Изучение памятников зоргольской культуры свидетельствует о том, что в материальной и духовной культуре сяньби (тоба) этого периода заметно влияние тех народов, с которыми они контактировали на протяжении многих столетий. Речь идет о влиянии приамурских народов и забайкальских хунну, в процессе которого шло формирование основных

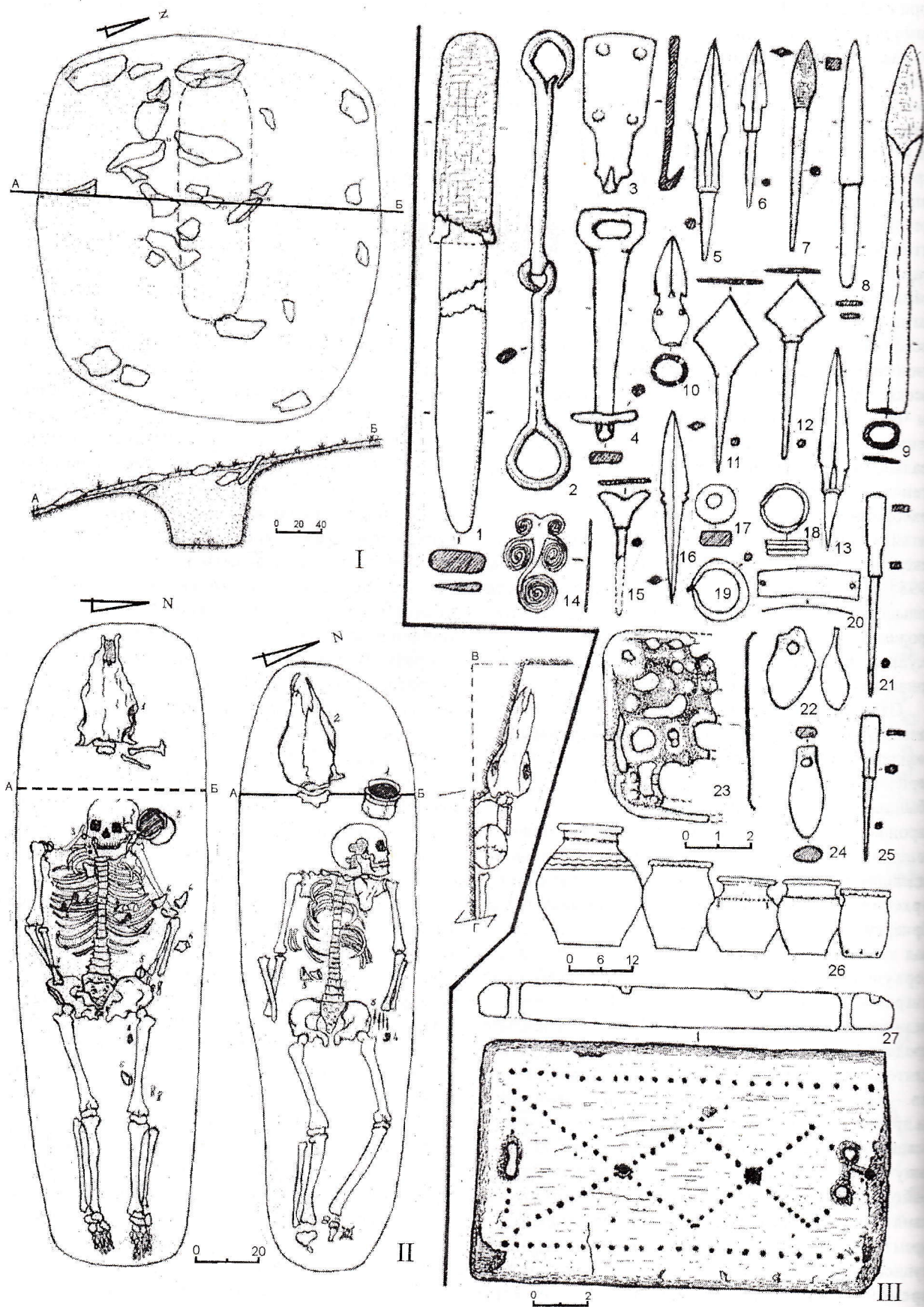

Рис. 6. Памятники Дуройской культуры: I-II – планы и разрез погребений; III – инвентарь:
 1- железо, кость; 2-4, 7-9, 11-12, 15, 21, 25 – железо; 5-6, 10, 13, 16 – кость; 14, 18-20 – золото;
 23 – бронза; 22, 24 – зубы; 26 – керамика; 27 – камень

элементов культуры самих сяньби. В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности комментировать этот вопрос подробно. Однако хотелось бы обратить внимание на одну группу вещей, которая характерна для вещевого комплекса сяньби-тоба. Это костяные «подпружные» пряжки с «Т» - образными вырезами на плоскости и подвижными язычками.

Раскопки памятников сяньби на территории Восточного Забайкалья показывают, что они применялись не только в качестве подпружных блоков от конской сбруи, но и застежек от ремней пояса и колчанов. Традиционно такие пряжки считаются изобретением тюркских народов эпохи первых каганатов и их нередко используют в качестве датирующих артефактов. Однако еще А. А. Гаврилова показала, что костяные подпружные пряжки «не могут служить надежным основанием» для датировки памятников (Гаврилова, 1965: 35). Со своей стороны, мы также обращаем внимание исследователей на то, что такие пряжки (причем самых разных форм и конструкций) появились у племен Восточного Забайкалья и соседних с ним районов уже в хунно-сяньбийскую эпоху. Они часто встречаются в погребениях сяньби, а частично и хунну (табл. VII). Не исключена вероятность того, что именно отсюда, такие пряжки стали распространяться по территории Центральной Азии, Южной Сибири и другим регионам. Судя по находкам отдельных экземпляров их в памятниках берельского типа в Горном Алтае (Гаврилова, 1965: рис. 4, 10; 5, 11), они появились там вместе с потомками хунну – телескими племенами в период господства жуань-жуаней (Савинов, 1984: 29-30). Сами хунну могли заимствовать форму пряжек у своих соседей - сяньби, находясь в постоянных контактах с ними.

По-видимому, не все племена сяньби покинули Верхнее Приамурье после ухода тоба на юг. Многие из них скорее всего не приняли участие даже в военных компаниях Таньшихуая. Об этом можно судить по тому, что часть сяньбийских родов (как, например, улохоу) продолжала по-прежнему обитать в горах Большого Хингана, а часть - на территории Юго-восточного Забайкалья, где распространились памятники дуройской культуры. Есть основания полагать, что Северный Хинган, наоборот, периодически принимал в себя группы новых мигрантов с юга, которые вместе с аборигенным населением Верхнего Приамурья составили позднее основу шивейского этнического мира. Здесь, за перевалами Большого Хинганского хребта, после ухода тоба какое-то время сохранялась стабильная обстановка, тогда как на территории Южной Маньчжурии и Северного Китая в III-IV вв. разворачивались настоящие сражения между различными группами хуннских, сяньбийских и тунгусо-маньчжурских племен. Многие из них создавали в ходе этой борьбы свои собственные государства, которые, впрочем, быстро приходили в упадок (История народов..., 1986: 89, 111). Победенные племена, как и раньше, могли откочевывать на север, усложняя общую этно - культурную ситуацию в данном регионе.

Возвращаясь к Восточному Забайкалью, отметим, что в конце II в. в этом районе происходит замена памятников зоргольской культуры – дуройскими. К числу памятников указанной культуры относятся могильники Дурой-1, Большая Канга-1 и Копчил-1 (табл. I, 18-20). Территория, занятая данными памятниками, несколько больше, чем у зоргольской культуры, однако конкретные границы ее еще не определены. Пока мы можем включить сюда только участок от с. Дурой на юге до с. Цаган-Олуй на севере, т.е. опять же среднюю часть р. Аргунь и ее притока - р. Урулюнгуя. Последовательная смена двух культур и стоящих за ними погребений фиксируется даже в топографии могильников. Так, например, на площади смешанных могильников у села Дурой погребения зоргольской культуры располагаются особняком от могил, включаемых нами в дуройскую культуру. Нет «дуройских» погребений и в составе могильника Зоргол-1. По вещевому комплексу и погребальному обряду они также отличаются от зоргольских, хотя по ряду признаков имеют с ними сходство. Это свидетельствует о принадлежности данных памятников другой этнической группе сяньби, не входившей в состав тоба.

Для погребений Дуройской культуры характерны однослойные надмогильные выкладки, отсутствие забутовки могильных ям и относительно небольшая глубина их: от 50 до 100 см. Умершие лежат на грунте, без дополнительных деревянных конструкций, в вытянутом положении, головой по западному сектору. В изголовье их располагаются глиняные сосуды (реже берестяные туюски) и черепа животных: лошади, верблюда, козлой коровы или барана (для детских погребений), уложенные на специальной приступке. От старой, «зоргольской», традиции сохранилась практика размещать в погребениях копыта различных животных (от 2 - 4 особей), а также фрагменты речных раковин. В инвентаре присутствуют предметы быта, вооружения, конской сбруи и украшений, многие из которых аналогичны зоргольским (рис. 6). Вместе с тем, часть предметов относится к более поздним формам, а некоторые из них впервые появляются только в памятниках данной культуры. Это касается отдельных типов наконечников стрел, керамики, специфических по форме колчаных крюков с поперечной планкой на конце, нагрудных блях - гривен, некоторых видов украшений и т.д. Аналогии многим вещам из дуройского комплекса можно найти в инвентаре более поздних памятников этого региона, принадлежащих бурхотуйской культуре (IV-IX вв.), которую исследователи связывают с западной группой племен шивэй (или «отуз-татар» - по тюркским руническим надписям) (Ковычев, 2004: 55-59).

Мы уже говорили выше о том, что формирование шивэйского этнического комплекса происходило во многом, на сяньбийской основе и наличие аналогий между памятниками дуройской и бурхотуйской культур – важное свидетельство этнической близости племен, которым они принадлежали. Сближают две культуры друг с другом и такие характерные черты погребального обряда, как захоронение умерших в

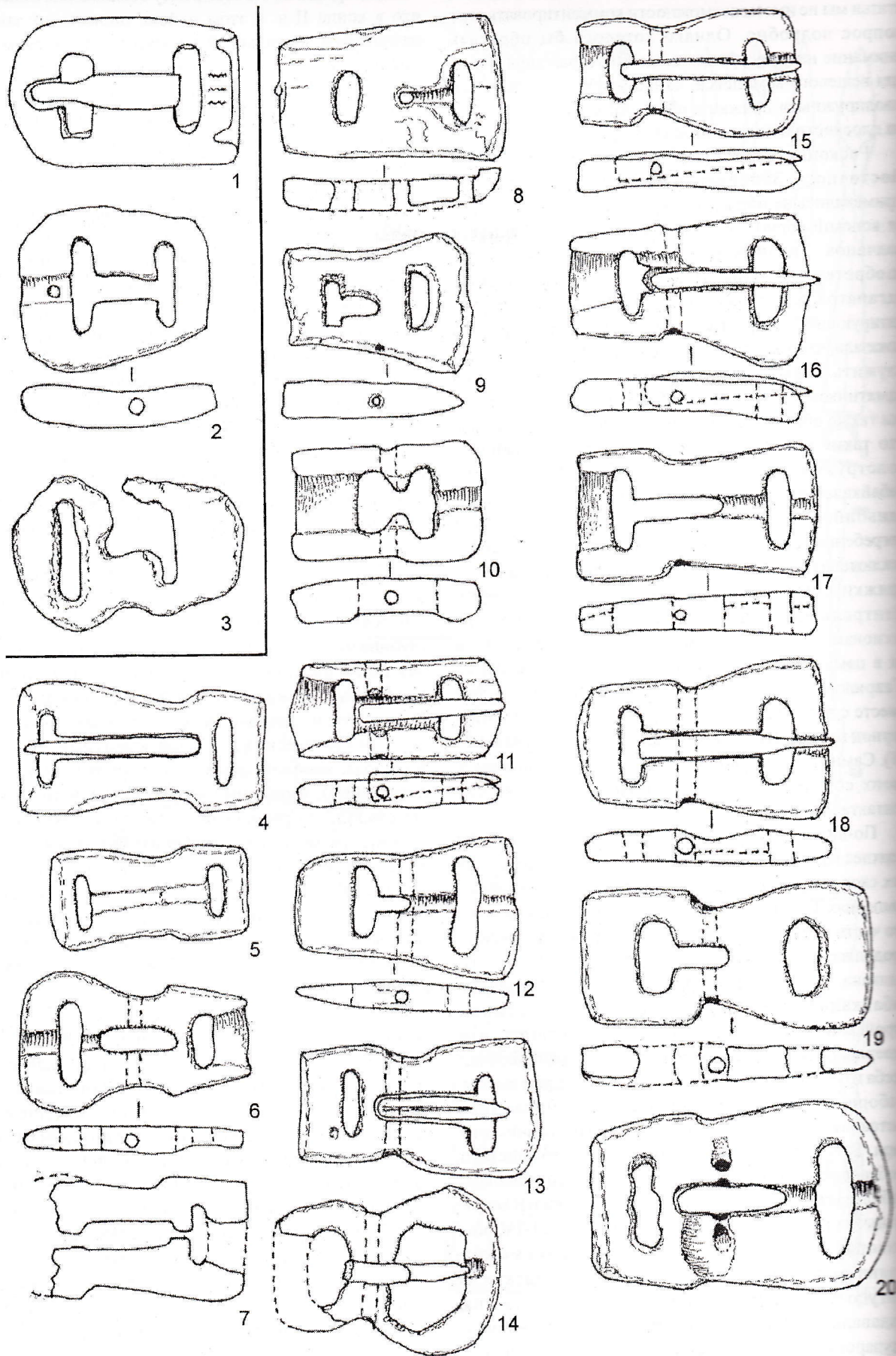

Рис. 7. Костяные пряжки хунзу (1-3) и сяньби (4-20): 1 – Иволгинский могильник (Давыдова А.В., 1996); 2 – с. Агинское (Окладников А.П., 1950); 3 – Сырая Сосновая (Орлов Ю.С., 1967); 4-5 – могильник Чжалайнор (Чжэн Лун, 1961); 6-7 – могильник Зоргол I; 20 – могильник Большая Канга I

пункте, в вытянутом положении, головой по западному сектору - соответственно, лицом на восток. Последнее обстоятельство следует выделить особо, поскольку подобный способ ориентации умерших (не головой, а лицом в нужную сторону), связанный напрямую с тем культом, который определяет эту ориентацию - был характерен, прежде всего, для монголоязычных племен этого региона (Асеев и др., 1984: 65-66). В данном случае он зависел от культа Востока - культа Восходящего Солнца. По сообщению Н.Я. Бичурина, племена ухуань даже юрты свои ориентировали выходом на восток: в соответствии с этим культом (Бичурин, 1950: 142). Зато тюркоязычные племена, которые тоже поклонялись Востоку, ориентировали умерших по иному: головой на север, северо-восток или восток. Такая ориентация, как мы видели выше, была характерна также для хунну и некоторой части сяньбийских племен (в том числе тоба), на погребальной обрядности которых сказалось, по-видимому, влияние хуннской культуры. Следует думать поэтому, что в Восточном Забайкалье данный элемент погребального обряда (в указанной выше форме) начал складываться только после крушения хуннской державы и откочевки отсюда тоба.

Именно поэтому дурайскую культуру мы связываем не с тоба, а с другими группами племен сяньби, которые появились в Восточном Забайкалье в конце II в. н.э., т. е. в период сяньбийского великодержавия. Скорее всего они также пришли из районов Северного Хингана, проживая до этого по соседству с племенами ухуань. В Восточном Забайкалье эти племена оставались до начала жужаньских завоеваний. Создание жужаньского каганата на территории Монголии привело к интенсивным подвижкам больших масс тюркоязычных кочевников, которые начали выдвигаться к северу и северо-востоку - в том числе, в сторону Восточного Забайкалья. На этой основе закладывался фундамент новых синкретичных по характеру восточно-зabayкальских культур середины и второй половины I тыс. н.э.

Литература

Асеев И.В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск: Наука, 1975.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (По материалам погребений). - Новосибирск: Наука, 1984.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Чжуншицзи шидай вайбэйцзяэрдэ еуну минцзу // Дунбэя каогу цзиляо и вэньцзи. Элосычжуань хао (Кочевники Забайкалья эпохи средневековья // Сборник материалов по вопросам археологии Северо-Восточной Азии, переведенных на китайский язык). - Харбин, 1996.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л., 1950. - Ч. I.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). - Владивосток, 1994.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.; Л., 1965.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. - СПб., 1777. - Ч. 3.

Зориктуев Б.Р. Эргунэ-кун и начальные этапы монгольской истории // Монгольская империя: этнополитическая история. - Улан-Удэ, 2005.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. - М., 1986.

Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1994.

Кириллов О.И., Яремчук О.А. Золотая художественная пластина из собрания Читинского областного краеведческого музея им. А. К. Кузнецова // «Мы близимся к началу своему...». История и культура Забайкалья / Материалы научной конференции, посвященной 150 - летию Забайкальской области и города Читы. - Чита, 2001.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Литвинцев А.Ю. Сяньбийские граффити на бересте из могильника Зоргол-1 // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300 - летию образования государства Бохай: Материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 21-26 сентября 1998 г.). - Владивосток, 2001.

Ковычев Е.В. История Забайкалья (1 - сер. П.тыс. н.э.): Учебное пособие. - Иркутск, 1984.

Ковычев Е.В. Далекое прошлое Поононья // История и география Оловянинского района. - Чита, 2004.

Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е. Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к XXXVI РАСК. - Иркутск, 1996. - Ч.2.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). - Улан-Удэ, 1976.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961.

Материалы по истории древних кочевых народов группы Дунху. - М., 1984.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. - Новосибирск, 1998.

Окладников А.П. Шилкинская пещера - памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной арх. экспед. Т. I. Материалы и исследования по археологии. - М.; Л., 1960. - №86.

Окладников А.П. Века раскрывают тайну // Монголия. - М., 1970. - №11.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. - Новосибирск, 1975.

Орлов Ю.С. Могильник в пади Сырая Сосновая // Арх. открытия 1967 года. – М., 1968.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984.

Худяков Ю.С. Хунны в Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Тезисы докладов междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). – Улан-Удэ, 1999. – Вып. 3.

Юй Сухуа. Актуальные вопросы истории изучения ранних сяньбэй // История и культура Востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. К 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск, 2002. – Т. II.

Summary

Author researches the history of Eastern Transbaikalia of the end of I millennium BC – I millennium AC as the stage characterized by difficult ethnogenetic and acculturative processes. Many such processes were the sequences of social-economic, political and cultural development of two neighboring regions (Central Asia and Far East). On this time span this area was occupied by khunnu and sian'bi tribes. Archaeological researches note their using in common steppe and forest-steppe landscapes. khunnu and sian'bi had mainly nomadic economy. At first author emphasizes that archaeological sites of this time are presented by many graves, cemeteries, polices and settlements, memorial places and rock drawings. Author especially notes the graves of khunnu and sian'bi time (III century BC – IV century AC) which are quite a different from earlier ones by features of burial style and tools.